

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. А. Пильщиков, Д. В. Сичинава, А. Б. Устинов</i>	
Гаспаров-стиховед	8

РУССКИЙ СТИХ: МЕТРИКА И РИТМИКА

Энциклопедические статьи	
Стиховедение	23
Стих	24
Соизмеримость	26
Стихосложение	26
Ритм	31
Метр	32
Основные понятия русской метрики	36
Оппозиция «стих—проза» и становление русского литературного стиха	42
Русский народный стих и его литературные имитации	57
Русский силлабический тринадцатисложник	137
К географии частушечного ритма	163
Материалы к ритмике русского четырехстопного ямба XVIII века	174
Ритмика русского четырехстопного ямба начала XX века	194
Ритмика русского четырехстопного хорей XVIII–XX веков	205
Строфический ритм в русском четырехстопном ямбе и хорее	216
Легкий стих и тяжелый стих	231
Русский ямбический триметр	248
Русский гексаметр и другие национальные формы гексаметра	268
Фригийский стих на вологодской почве	292
Стихосложение од Сумарокова	300
Стихосложение Баратынского-лирика	318
Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец	337
Белый-стиховед и Белый-стихотворец	361
«Шут» А. Белого и поэтика графической композиции	378
Блок в истории русского стиха	389
1905 год и метрическая эволюция Блока, Брюсова, Белого	409
Стих поэмы В. Хлебникова «Берег невольников»	416
Стихосложение цикла «София» М. Кузмина	431
Еще раз о соотношении стиха и литературного направления	443

РИФМА. ФОНИКА

Энциклопедические статьи

Рифма	451
Фоника	454
Первый кризис русской рифмы	456
Второй кризис русской рифмы	463
Эволюция русской рифмы	470
Некрасов в истории русской рифмы	498
Рифма в эпосе и лирике М. Исаковского, А. Твардовского, Н. Рыленкова	509
«Ой-ой-рифмы» от Ломоносова до Твардовского	516
Тавтологические рифмы	531
Омонимические рифмы	551
Фоника современной русской неточной рифмы	562
Вероятностные ассонансы	577
Иноязычная фоника в русском стихе	582
Об одном неизученном типе рифмованной прозы	606

СТРОФИКА

Энциклопедическая статья

Строфа	613
Строфика нестрофического ямба в русской поэзии XIX века	616
Строфическая традиция и эксперимент	643
Цепные строфы в русской поэзии начала XX века	677
«Рондо» А. К. Толстого. Поэтика юмора	680

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МЕТРИКА

Энциклопедические статьи

Силлабическое стихосложение	689
Силлабо-тоническое стихосложение	690
Тоническое стихосложение	691
Свободный стих	692
Вероятностная модель стиха (английский, французский, итальянский, испанский, латинский стих)	693
Каролингские тетраметры и теоретическая модель латинского ритмического стиха	720

Вероятностная модель и семантика стиха	728
Русский ямб и английский ямб	733
Русская силлабика и французская силлабо-тоника	741
Романская силлабика и германская тоника: встречи и взаимодействия	751
Итальянский стих: силлабика или силлабо-тоника?	761
Еще раз к спорам о русской силлабо-тонике	781
Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики)	786

ЛИНГВИСТИКА СТИХА

Лингвистика стиха	809
Литературный интертекст и языковой интертекст	824
Точные методы анализа грамматики в стихе	836
Русский стих. Ритмический словарь и методы его изучения (в соавторстве с <i>Д. И. Гелюх</i>)	851
Ритмический словарь частей речи	897
Пушкин и проблемы поэтической формы: язык и стих	906
Ритмико-синтаксические клише в четырехстопном ямбе	921
Ритмико-синтаксические клише и формулы в эпилоге «Руслана и Людмилы»	943
«Ты-ты-рифмы»: рифмо-синтаксические клише у Пушкина	959
Краткие прилагательные на ритмико-синтаксическом посту	972
Фонетика, морфология и синтаксис в борьбе за стих	979
Тропы в стихе: попытка измерения	989
Работы М.Л. Гаспарова по стиховедению, не вошедшие в настоящее издание	1000

ГАСПАРОВ-СТИХОВЕД

Non ignara mali, miseris succurrere disco.
P. Vergilius Maro

1

Raison d'être своего увлечения стиховедением Михаил Леонович Гаспаров объяснял в мемуарной виньетке, вошедшей в его книгу «Записи и выписки»:

Меня спросили: зачем мне понадобилось кроме античности заниматься стиховедением. Я ответил: «У меня на стенке висит детская картинка: берег речки, мишка с восторгом удит рыбу из речки и бросает в ведро, а за его спиной зайчик с таким же восторгом удит рыбу из этого мишкиного ведра. Античностью я занимаюсь, как этот заяц, — с материалом, уже исследованным и переисследованным нашими предшественниками. А стиховедением — как мишка, — с материалом нетронутым, где всё нужно самому отыскивать и обсчитывать с самого начала. Интересно и то, и другое».

В другом месте он вспоминал, как начинались стиховедческие штудии нового времени:

Когда мне было двадцать пять лет, в Институте мировой литературы начала собираться стиховедческая группа. Ее можно было назвать клубом неудачников. Все старшие участники помнили, как наука стиховедения была отменена почти на тридцать лет, а их собственные работы в лучшем случае устаревали на корню. Председательствовал Л. И. Тимофеев, приходили Бонди, Квятковский, Никонов, Стеллецкий, один раз появился Голенищев-Кутузов. У Бонди была книга о стихе, зарезанная в корректуре. Штокмар в депрессии сжег полную картотеку рифм Маяковского. Нищий Квятковский был принят в Союз писателей за считанные годы до смерти и представляемые в комиссию несколько экземпляров своего «Поэтического словаря» 1940 года собирал по одному у знакомых. Квятковский отбыл свой срок в 1930-х на Онеге, Никонов в 1940-х в Сибири, Голенищев в 1950-х в Югославии <...>. Колмогоров в это время, около 1960 года, заинтересовался стиховедением, этот интерес очень помог полужадушенной науке встать на ноги и получить признание.

О том, как стиховедение вопреки всем трудностям было признано научной дисциплиной, Гаспаров рассказывал в заметке «Взгляд из угла», написанной по просьбе журнала «Новое литературное обозрение» для специального выпуска, посвященного тартуско-московской семиотической школе:

Когда в 1962 году готовилась первая конференция по семиотике, я получил приглашение в ней участвовать. Это меня смутило. Слово это я слышал часто, но понимал плохо. Случайно я встретил в библиотеке <Е.В.> Падучеву, мы недавно были однокурсниками. Я спросил: «Что такое семиотика?» Она твердо ответила: «Никто не знает». Я спросил: «А ритмика трехударного дольника — это семиотика?» Она так же твердо ответила: «Конечно!» Это произвело на меня впечатление. Я сдал тезисы, и их напечатали. <...>

Дискуссию <о тартуско-московской школе> начал Б.М. Гаспаров, написав, что тартуская семиотика была способом отгородиться от советского окружения и общаться эсотерически, как идейные заговорщики. <...> С Борисом Михайловичем Гаспаровым мы сверстники, и ту научную обстановку, от которой хотелось отгородиться и уйти в эсотерический затвор, я помню очень хорошо. Но мне не нужно было даже товарищей по затвору, чтобы отвести с ними душу: щель, в которую я прятался, была одноместная. Мой взгляд на тартуско-московскую школу был со стороны, верней из угла. Из стиховедческого. <...>

Почему меня приняли в «Семиотику»? Я занимался стиховедением с помощью подсчетов — традиция, восходящая через Андрея Белого к классической филологии и медиевистике более чем столетней давности, когда по количеству перебоев в стихе устанавливали относительную хронологию трагедий Еврипида. Эти позитивистические упражнения вряд ли могли быть интересны для ученых тартуско-московской школы. К теории знаков они не имели никакого отношения. В них можно было ценить только стремление к точной и доказательной научности. То же самое привлекало и меня к тартуским работам: «точность и эксплицитность» на любых темах, по выражению Ю.И. Левина, «продвижение от ненауки к науке», по выражению Ю.М. Лотмана. Мне хотелось бы думать, что и я чему-то научился, читая и слушая товарищей, — особенно когда после ритмики я стал заниматься семантикой стихотворных размеров.

Потом я оказался даже в редколлегии «Семиотики», но это уже относится не к науке, а к условиям ее бытования. В редколлегию входил Б.М. Гаспаров, и его имя печаталось среди других на обороте титула даже после того, как он уехал за границу. Цензор заметил это лишь несколько выпусков спустя. Но Ю.М. Лотман сказал ему: «Что вы! это просто опечатка!» — и переименовал инициалы.

Стиховедение предоставляло уникальную возможность продвижения в заявленном Ю.М. Лотманом направлении развития филологии — «от ненауки к науке». Вектором, задававшим «научность» в стиховедении, выступала статистика, объективность которой была обеспечена математическими подсчетами, в каких бы субъективных условиях они ни производились. Михаил Леонович настаивал, что результаты его подсчетов никак не зависели

от того, где он их делал, — будь то читальный зал библиотеки или изнуряющие заседания научного совета, — для этого никак не требовался «эсотерический затвор». Эти же наработанные принципы — не зависеть от внешних условий — он впоследствии благополучно применил при работе над «Неистовым Орландо» Ариосто, которого перевел почти целиком в поездках на московском метро.

2

Подготовить единственный том стиховедческих трудов Гаспарова — задача трудновыполнимая. Вне всякого сомнения, эта область его деятельности заслуживает отдельного многотомника. Первый и третий тома настоящего собрания выстроены вокруг одной из монографий Гаспарова по общей теме тома, которую сопровождает подборка статей, развивающих частные сюжеты. Для работ о стихе такое решение невозможно: оно бы недопустимо сократило пространство для статей и неизбежно ухудшило бы репрезентативность подборки работ по стиховедению. Кроме того, у Гаспарова нет одной «главной» стиховедческой монографии. Из трилогии «Современный русский стих: метрика и ритмика» (1974) — «Очерк истории русского стиха» (1984) — «Очерк истории европейского стиха» (1989)¹, тесно связанной логически и методологически, не представляется возможным включить в собрание сочинений лишь какую-то одну часть, исключив другие. Они могут быть напечатаны только все вместе, причем немало места займут также исправления и дополнения к каждой из них². Задача составить полноценное собрание стиховедческих статей Гаспарова осложняется существованием прижизненного третьего тома «Избранных трудов» (1997), озаглавленного «О стихе», и соответствующего раздела в однотомнике «Избранных статей», изданных «НЛО» (1995). Очевидно, что в стиховедческом томе собрания сочинений Гаспарова должны быть представлены, помимо его классических работ, еще и незаслуженно малоизвестные, но не менее важные, в соседстве с которыми тексты, отобранные самим автором, приобрели бы новое качество.

Большинство статей, вошедших в прижизненный том «О стихе» — это case studies, посвященные конкретному метру, конкретному автору, конкретному

¹ Отметим, что эта трилогия написана в обратной хронологической последовательности (хотя внутри каждой из частей выдержана прямая). К обратной перспективе, логичной и с исследовательской, и с пропедевтической точки зрения, прибегали и другие создатели русских компендиумов XX века, в частности М. В. Панов в «Истории русского литературного произношения» и А. А. Зализняк в «От праславянской акцентуации к русской» (вопреки названию!).

² Для первой монографии частично подготовленные С. Е. Ляпиным, для последней — Л. Холфордом-Стревенсом.

периоду. В первом разделе настоящего сборника мы воспроизводим авторскую композицию тома 1997 года, дополнив ее тематически близкими трудами, но далее предлагаем иную композиционную структуру, принципы которой разъясняются ниже.

Мы впервые вводим в собрание сочинений Гаспарова его статьи из «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), «Краткой литературной энциклопедии» (КЛЭ) и «Литературного энциклопедического словаря» (ЛЭС). Статьи эти наиболее экономно — подчиняясь жестким требованиям объема, к которым Гаспаров, кстати сказать, виртуозно примерялся и в своих монографиях, — формулируют принятые им определения фундаментальных понятий стиховедения. Не везде столь же строго эти дефиниции даются в упомянутой монографической трилогии. Именно энциклопедические статьи — один из основных источников для обсуждения вопроса о том, что именно Гаспаров считал стихом, ритмом, метром, какие определения давал более частным понятиям. В статье «Метр» читатель найдет высказывания на такую не самую характерную для гаспаровского корпуса тему, как ощущение метра при сочинении стихов поэтом и восприятии их читателем. В статье «Ритм» — концептуальное разделение понятия стихотворного ритма на «Ритм с большой буквы» (общая упорядоченность стиха, реализацией которой является метр) и «ритм с маленькой буквы» (звуковое строение стихотворной строки, которое, наоборот, выступает реализацией метра).

Статьи из ЛЭС неявно уточняют определения, данные ранее в книге «Современный русский стих» (раздел из нее, озаглавленный «Основные понятия русской метрики», для удобства изучения эволюции научных взглядов Гаспарова воспроизведен и в настоящем томе), между тем цитируются они существенно реже. В «Записях и выписках» есть такое замечание: «Я говорил диссертантам: „Ссылаться на ‘Мифы народов мира’ так же непристойно, как на энциклопедию Брокгауза: там при каждой статье — библиография, поработайте и ссылайтесь“, — но не встречал понимания». Однако специфика энциклопедических статей Гаспарова заключается именно в том, что в процессе работы над ними он перерастал «библиографию», в большой мере состоящую из его же трудов (вспомним нередкие у него глухие обороты типа «стихovedы знают...», скромно отсылавшие к собственным статьям), и их самостоятельная ценность оказывается более значимой, чем это представлялось самому автору, — сегодня об этом можно говорить совершенно уверенно.

Эта книга состоит из пяти разделов: «Русский стих: метрика и ритмика», «Рифма. Фоника», «Строфика», «Сравнительная метрика» и «Лингвистика стиха».

Название первого раздела варьирует заглавие и подзаголовок первой стиховедческой монографии Гаспарова. Помимо энциклопедических статей и работ из тома «О стихе» сюда включены важнейшие из его поздних

исследований — как опубликованные в посмертном четвертом томе «Избранных трудов» (например, «Стихосложение од Сумарокова»), так и несобранные (например, «Стихосложение Баратынского-лирика»). Впервые под одной обложкой напечатаны парные работы о ритмике 4-стопного ямба и хоря, вышедшие уже посмертно (первая из них была пропущена в наиболее полной библиографии Гаспарова). Автор любил статьи-двойчатки — таковы, например, включенные в этот раздел статьи о Валерии Брюсове («Брюсов-стихoved и Брюсов-стихотворец») и Андрее Белом («Белый-стихoved и Белый-стихотворец»).

Дальнейшая композиция тома опирается на авторский подзаголовок второй книги трилогии («Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика»). Разделы, посвященные рифме (а также фонике) и строфике, тоже открываются энциклопедическими статьями — соответствующие понятия в исследовательских статьях и монографиях Гаспарова столь систематически не изложены. Его исследования о рифме и фонике, созданные еще в 1970–1990-е годы, в значительной степени остались за бортом «Избранных трудов». В нашем издании впервые перепечатываются не вошедшие в прижизненное собрание статьи о рифме Н. Некрасова и советских поэтов, появившиеся в ярославском и смоленском тематических сборниках. Ни в коей мере не стесняясь привлекать материал малопопулярных в постсоветское время авторов — хорошо известен его интерес к В. Маяковскому или С. Кирсанову, — поздний Гаспаров всё же с большей строгостью относился к подобным публикациям. Тем не менее они представляют собой тонкий анализ не сразу заметных читателю (а, возможно, и поэту) системных стиховых особенностей, более сложный, чем констатация программной яркости; такой же подход впоследствии развит в статье Гаспарова «Рифма Бродского». Статья о Некрасове выходит далеко за пределы заявленной темы и затрагивает более общие вопросы истории русской рифмы, в том числе с грамматической точки зрения. Помимо вошедшей в «Избранные труды» статьи «Эволюция русской рифмы», мы даем также конспективно изложенные в ней тартуские публикации о первых двух кризисах точной рифмы, где материал представлен более подробно.

Отдельные разделы настоящего тома посвящены проблемам сравнительной метрики и лингвистики стиха, в прижизненных изданиях раскрытым недостаточно.

Работы Гаспарова по сравнительной метрике, тематически коррелирующие с «Очерком истории европейского стиха», никогда не собирались под одной обложкой. В энциклопедических статьях этого раздела изложены взгляды Гаспарова на определение систем стихосложения — вопрос, которому в монографиях уделено очень мало внимания. Три статьи посвящены различным применениям вероятностной модели стиха, адаптированной для

разных языков; пять статей—сравнительным характеристикам русской, германской (английской, немецкой) и романской (французской, итальянской, испанской) тоники, силлабики и силлабо-тоники. В них также затрагиваются вопросы о передаче этих систем стихосложения и соответствующих стихотворных размеров в переводах на другие языки. Гаспарова интересуют такие небанальные вопросы, как отнесение итальянского стиха к силлабической либо к силлабо-тонической системе на основании его объективных статистических характеристик и существование маргинальных систем стихосложения в системе национального языка (силлабика в современном русском стихе, силлабо-тоника во французском). Заключительная статья раздела («Историческая поэтика и сравнительное стиховедение») состоит из двух частей; в первой рассмотрен вопрос о месте сравнительной метрики в системе исторической поэтики, вторая представляет собой полезный дайджест «Очерка истории европейского стиха», впервые опубликованный в качестве предисловия к предыдущей книге трилогии—«Очерку истории русского стиха».

Заключительный раздел тома содержит статьи, в которых обсуждается проблема сращивания метрики и ритмики с лексикой и грамматикой, поставленная в 1920-е годы в пионерских работах О.М. Брика и С.П. Боброва. В 1980-е годы механизм возникновения стиховых формул и клише заинтересовал Гаспарова, который назвал эту область «лингвистикой стиха». Значительная часть работ этого цикла вошла в посмертный четвертый том «Избранных трудов», но печатается нами по вновь сверенному тексту.

За пределами прижизненных «Избранных трудов» остались работы, где Гаспаров выступает как полемист—между тем и оппонируя чужим наблюдениям, он оставался собой, формулировал важные положения, фактически проводя мини-исследования. Образцами таких работ являются публикуемые в этом томе отклики Гаспарова на гипотезы Р. Папаяна («Еще раз о соотношении стиха и литературного направления») и В.Е. Холшевникова («Еще раз к спорам о русской силлабо-тонике»), сопровождаемые детальной проработкой материала. Несомненно, одной из важных задач остается собрание печатных и внутренних (издательских) рецензий Гаспарова, отзывов на диссертации и других текстов подобного рода. Недаром его первой стиховедческой публикацией была статья «Цель и путь советского стиховедения»—так озаглавлен его отклик на книгу Л.И. Тимофеева «Очерки теории и истории русского стиха», который появился в «Вопросах литературы» в августе 1958 года, вскоре после печатного дебюта Гаспарова в классической филологии—статьи «Зарубежная литература о принцепате Августа». Отдав должное факту появления книги Тимофеева и отметив ее значение как попытки вернуть гонимое тогда стиховедение в разряд дозволенных филологических дисциплин, молодой рецензент разгромил концепцию старшего коллеги в пух

и прах¹. Важнейшие методологические обобщения и фактические уточнения сформулированы и в поздних рецензиях Гаспарова на книги М. Тарлинской (1976, 1987, 1993), Дж. Бейли (1993), И. Лилли (1995), С.И. Кормилова (1996), М. Вахтеля (1999) и других². Контекст публикаций современников и полемический модус более конкретно отразились и в ряде других работ. Обычно из своих компендиумов, не говоря об энциклопедических статьях, Гаспаров этот компонент снимал.

3

Как стиховед Гаспаров начал с новаторских работ по статистическому изучению неклассического (несиллабо-тонического) русского стиха. Если статистическое изучение силлабо-тонических размеров, как показали предшественники Гаспарова от А. Белого и Б.В. Томашевского до К.Ф. Тарановского, помогает выявить ритмические особенности того или иного метра у разных поэтов и в разные периоды, то за пределами классической метрики мы без статистики не можем определить даже сами размеры (М. Лотман называет классическую метрику априорной, а неклассическую — апостериорной: в неклассической номенклатуре размеров нам заранее не дана). В работах о русском дольнике (1962, 1968), об акцентном стихе раннего Маяковского (1967), о вольных хорях и ямбах Маяковского в контексте его акцентного стиха (1965) и, наконец, о русском литературном тактовике (1968) не только обследованы ритмические особенности этих типов стиха, но и самим названиям размеров впервые придан действительно терминологический статус. (Это не значит, что концепции Гаспарова не подлежат критике, — это значит, что теперь есть что критиковать, а раньше не было; наука движется вперед уточнением и исправлением предшественников.)

Со своим интересом к точным методам Гаспаров оказался близок как группе математика и стиховеда А.Н. Колмогорова, так и семиотикам-структуралистам московской (впоследствии московско-тартуской или тартуско-московской) школы. Тезисы первого доклада о дольнике были напечатаны

¹ Гаспаров вспоминал: «Первой книгой о стихе после 20 мертвых лет были „Очерки теории и истории русского стиха“ Тимофеева, 1958. Я написал на нее рецензию с критическими замечаниями и пошел показать их Тимофееву <...>. Он сказал: „С замечаниями я не согласен, но, если в журнале будут спрашивать, скажите, что поддерживаю“. По молодости мне показалось это естественным, лишь позже я понял, что так поступил бы далеко не всякий. Потом он был редактором двух моих книг, очень несогласных с ним, но не изменил в них ни единого слова. Свою предсмертную книгу он подарил мне с надписью из Блока: „Враждебные на всех путях (Быть может, кроме самых тайных)...“ («Записи и выписки»). У Блока: «Столь чуждые во всех путях».

² См. список работ М.Л. Гаспарова по стиховедению, не вошедших в настоящее издание (с. 1000–1007).

в материалах московского «Симпозиума по структурному изучению знаковых систем» (1962), сам доклад — в основанном Колмогоровым журнале «Теория вероятностей и ее применения» (1963), а статьи о тактовике и Маяковском — в либеральных «Вопросах языкознания» (где публиковались и статьи Колмогорова) и в тартуских «Трудах по знаковым системам» (в обиходе известных как тартуские «Семиотики»). Вскоре Гаспаров берется и за силлаботонику: в «Вопросах языкознания» выходят его статьи «Ямб и хорей советских поэтов и проблема эволюции русского стиха» (1967) и «Метрический репертуар русской лирики XVIII–XX вв.» (1972). Все эти работы вошли в уже неоднократно здесь упоминавшуюся первую книгу монографической трилогии (1974). Русский стих XX века рассматривается в ней на фоне стиха XVIII и XIX веков. В качестве первой главы в книге напечатана статья «Квантитативные методы в русском стиховедении: итоги и перспективы»¹, написанная в 1967 году по просьбе Ю. М. Лотмана для «Трудов по знаковым системам», но опубликованная впервые в сборнике статей о точных и семиотических методах в филологических науках, который Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский подготовили к публикации по-итальянски в издательстве «Einaudi» (вышел в 1973 году).

В «Очерке истории русского стиха» (1984), синтезирующем достижения самого Гаспарова, его предшественников и современников, тот же материал подан диахронически: всеохватно и в то же время лаконично изложена история и предыстория всех национальных метрических, ритмических, рифмических и строфических форм. На пути к ней были проведены важнейшие исследования по целому ряду конкретных тем — это серия работ об эволюции рифмы (1976–1984), статьи о строфике нестрофического ямба (1976), о ритмике сверхсхемных ударений («Легкий стих и тяжелый стих», 1977), о русском былинном стихе, который исследователь интерпретировал как народный тактовик, и его литературных имитациях (1975–1978)², о ритмике русского 4-стопного ямба XVIII века (1982). Отдельно следует упомянуть книгу, формально Гаспарову не принадлежащую, — сборник «Русское стихосложение XIX в.: материалы по метрике и строфике русских поэтов» (1979), в котором он выступил ответственным редактором (и фактическим соавтором почти всех статей).

Одной из отличительных черт своего подхода к проблемам стиха и существенным вкладом в стиховедение Гаспаров всегда называл переход от формального изучения метрики и ритмики к изучению семантики стихотворных размеров. Проблемой семантического ореола метра он занялся вслед за К. Ф. Тарановским, и совсем не случайно, что первая его статья на эту

¹ Первоначальное название: «Точные методы в русском стиховедении: итоги и перспективы».

² Ее окончательный сводный вариант (1997), публикуемый в настоящем томе, озаглавлен «Русский народный стих и его литературные имитации».

тему — «К семантике дактилической рифмы в русском хорее» — была напечатана именно в фештшрифте Тарановскому (1973). Заглавие книги, в которой были собраны статьи на эту тему («Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти», 1999)¹, было предсказано во второй статье цикла («Метр и смысл: к семантике русского трехстопного хорая», 1976), а в следующей статье появился и базовый термин («Семантический ореол метра: к семантике русского трехстопного ямба», 1979). За ними последовали статьи о семантике других размеров: Амз (1980, опубликована в 1982), Х4зжм (1981), Х4жм (1987, опубликована в 1990), Д4д (1988) и др. — всего числом 10. Начал и закончил Гаспаров двумя размерами, с которых (с легкой руки О. Брика) началось изучение семантики метра, — Х4дм и Х5 (размер «Выхожу один я на дорогу...», задавший семантический ореол русского пятистопного хорая). Но и здесь Гаспаров не остановился на том, что сделали до него Р. О. Якобсон и К. Ф. Тарановский: он не только расширил материал, но и сделал два следующих методологических шага. Во-первых, он начал описывать семантический ореол как состоящий не из одной темы, а из набора тем, ассоциирующихся с метром, подобно тому, как лингвисты описывают семантику слова через набор сем. Во-вторых, он поставил вопрос о генезисе метрической семантики, обнаружив, что темы жизненного пути и смерти, на которых построено стихотворение Лермонтова, русский пятистопный хорей напрямую заимствовал из немецкой поэзии.

Сравнительная перспектива, так или иначе присутствующая во всех работах Гаспарова, пришедшего в стиховедение не из русистики, а из классической филологии, сменяется компаративным фокусом в серии статей, над которой он начал работать одновременно со статьями о семантике стиха. Статья «Русский ямб и английский ямб» появилась в сборнике памяти стиховеда и германиста академика В. М. Жирмунского (1973), за ней последовали «Итальянский стих: силлабика или силлабо-тоника?» (1978, опубликована в 1981) и «Романская силлабика и германская тоника» (1987). Помимо попарного сопоставления метров, принадлежащих разным национальным традициям и системам стихосложения, Гаспаров применил к изучению нескольких национальных традиций «русский метод»² — разработанный Б. В. Томашевским, К. Ф. Тарановским и другими русскими стиховедами метод сравнения статистических данных по стиховой ритмике с теоретическими моделями стиха, построенными на основании общеязыкового словаря или «естественного» ритма прозы на соответствующем языке. основополагающая статья «Вероятностная модель стиха» (с длинным поясняющим подзаголовком «Английский,

¹ В настоящем издании — т. III, с. 19–267.

² См.: Bailey J. The Russian linguistic-statistical method for studying poetic rhythm: A review article // *Slavic and East European Journal*. 1979. Vol. 23. No. 2. P. 251–261.

французский, итальянский, испанский...») была напечатана по-английски в журнале «Style» (1987), а по-русски — в «Избранных трудах» (1997).

Вершиной гаспаровского сравнительного стиховедения стал «Очерк истории европейского стиха» (1989), выходом которого увенчался целый этап изучения сравнительно-исторической и типологической метрики на материале стиховых традиций Европы. Целью работы, по словам самого автора, был переход от накопления сведений об истории размеров к методологическому синтезу, позволяющему свести свои и чужие результаты, «фактические и гипотетические, в одну систему, охватывающую материал от общеиндоевропейских времен до наших дней»¹. Книга была переведена на итальянский (1993), английский (1996) и чешский (2011) языки.

В середине 1980-х годов появляются первые исследования Гаспарова, где он нащупывает подход к проблеме стиховой формульности, — это «Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише» и «Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе», из которых вырос проект «лингвистики стиха»². Работу под таким заглавием Гаспаров напечатал в 1994 году, и с тех пор эта тематика все более доминировала в его интересах. Десять лет спустя увидели свет подготовленные совместно с Т. В. Скулачевой «Статьи о лингвистике стиха» (2004).

Последняя по времени стиховедческая работа, которую Гаспаров увидел напечатанной при жизни, — это «Предисловие», написанное им для «Конкорданса к стихотворениям М. Кузмина» (2005)³. Фундаментальная, но оборванная буквально на полуслове статья «Ритмика четырехстопного ямба раннего Мандельштама» появилась в самом конце 2005 года уже с именем автора в траурной рамке⁴.

С начала 1960-х годов Гаспаров писал энциклопедические статьи о стиховедческих терминах — сперва почти исключительно об античных, а потом обо всех — для КЛЭ (1962–1978), для «Словаря литературоведческих терминов» под редакцией Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева (1974), для БСЭ (1975–1978), ЛЭС (1987), «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (доработанные статьи из ЛЭС, 2001). Хотя сам автор избегал их упоминать, эти работы, как уже было сказано, в полной мере принадлежат его стиховедческому

¹ С. 793 настоящего тома.

² В настоящем томе эти статьи публикуются в позднейших (2004) исправленных редакциях под заглавиями «Ритмический словарь частей речи» и «Ритмико-синтаксические клише в четырехстопном ямбе».

³ Составленный Гаспаровым «Метрический справочник» к стихотворениям Кузмина был опубликован десять лет спустя в приложении к последнему тому «Конкорданса» (2015; авторство Гаспарова указано только в разделе «Благодарности»).

⁴ Статья заканчивается словами: «Может быть, эти данные пригодятся кому-нибудь для дальнейших размышлений».

научному наследию. Так, за исключением статьи о Бабрии, все написанное им для первого тома КЛЭ сосредоточено на вопросах стиховедения: «Александрийский стих», «Амфимакр», «Антибакхий», «Антиспаст», «Арсис», «Ателлана». После этого мы уже, наверное, не будем удивляться, что и резюме собственных достижений Гаспаров, зная себе цену, представил в форме энциклопедической статьи:

Традиции <статистического> подхода <к исследованию стиха> в России идут от 1910-х годов (А. Белый и Б. Томашевский), но до 1958 года были прерваны на 30 лет и считались формализмом. Возрождение русского стиховедения, общепризнанного сейчас как самое развитое в мире, — в значительной степени заслуга Гаспарова. Его работы в этой области образуют 4 этапа.

1) Завершение сделанного предшественниками (от А. Белого до К. Тарановского): ими были выработаны принципы анализа ритмики ударений и прослежена история русских ямбов и хореев до середины XIX века. В книге «Современный русский стих» (1974, обработано около 300 000 стихотворных строк) и смежных статьях («Избранные труды», т. III) Гаспаров заполнил оставшиеся пробелы: обследовал и описал не общую ритмику ударений, а дифференцированную, сильных и слабых ударений; не только ритмику ударений, но и ритмику словоразделов; довел историю русских ямбов и хореев до наших дней; дополнил ее историей 3-сложных размеров; свел результаты в картину эволюции метрического репертуара русской поэзии за 250 лет; и, главное, изучил русские внесиллабо-тонические системы стихосложения — народную, силлабическую и особенно важную для поэзии XX века чисто-тоническую. Полученные им определения понятий «дольник», «тактовик» и др. стали общепринятыми.

2) В «Очерке истории русского стиха» (1984) Гаспаров выстроил полученные результаты (дополненные данными по рифме и строфике 300 поэтов), по существу, в ту самую имманентную историю поэзии (смена предпочтений, притяжения и отталкивания, эволюционные и революционные периоды, семантизация форм в их связи с историей жанров, тем, направлений), о необходимости которой столько говорили (в частности — формалисты), но к созданию которой — за трудоемкостью — не приступали. В «Очерке истории европейского стиха» (1989) эти данные вдвинуты в картину аналогичных процессов взаимодействия языка и культуры на протяжении 3000 лет в поэзии на 25 языках. Это первая работа такого масштаба в мировой науке.

3) В серии статей о семантике русских стихотворных размеров (книга «Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти», 1999) Гаспаров на огромном материале (около 2000 стихотворений) прослеживает способы исторического сосуществования стихотворных форм с жанрами, темами, эмоциями, интонациями, которые находят в них выражение. По существу, это научный подход к общеэстетической проблеме единства формы и содержания, «памяти» формы о своих прежних содержаниях, о взаимодействии «семантических окрасок» в «семантическом ореоле» стихотворного размера.

4) В серии статей о взаимодействии ритма и рифмы в стихе, с одной стороны, и синтаксиса, грамматики, фонетики, с другой стороны, Гаспаров кладет начало новой отрасли филологии, «лингвистике стиха», углубляя на новом уровне вопрос о соотношении «природы» (языкового материала) и «культуры» (художественной установки) в поэзии. («Природе» Гаспаров всегда как бы не доверяет, подчеркивая, что культурные влияния важнее для формирования стиха, чем данные языка.) Так стиховедение выходит из своих традиционных рамок (метрика, ритмика, рифма, строфика) в непривычные к нему области семантики и грамматики¹.

Гаспаров терпеливо разъяснял, что значит для него стиховедение, в ответах на анкеты различных журналов, как это было принято в 1990-е годы. На вопрос об использовании точных методов в исследованиях литературы он ответил: «Занимались этим стиховеды, помнившие о Белом и Томашевском, а вне стиховедения — только Б.И. Ярхо, умерший в 1942 году. Своими учителями я считаю Томашевского и Ярхо». На вопрос о выборе материала для исследований Гаспаров ответил: «Филолог, по этимологии своего имени, обязан любить каждое слово каждой эпохи». И главное: «Стиховедение — это моя специальность». В «Записях и выписках» он добавил еще один резон для обращения к стиховедению в своей научной работе: «Я люблю русскую поэзию, но не чувствую за собой на нее права и предъявляю стиховедение как отмычку».

Эта часть наследия Гаспарова менее знакома и близка широкому кругу читателей, чем многие другие его работы, но именно в ней — ключ к его научной индивидуальности.

И. А. Пильщиков, Д. В. Сичинава, А. Б. Устинов

¹ Брагинская Н. В. Утешение // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 29–30.